

литературное
НОВОИ
обозрение

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

№ 23 (1997)

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Сергей Козлов (теория)
Сергей Панов (история)
Татьяна Михайловская (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомолов (Москва)
Вадим Вацуро (Петербург)
Михаил Гаспаров (Москва)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Ларс Клеберг (Стокгольм)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Основат (Москва / Лос-Анджелес)
Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тименчик (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

ИЗ ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЕЙ

Константин Лаппо-Данилевский

О ТАЙНОЙ ЖЕНИТЬБЕ Н. А. ЛЬВОВА

Сколько бы ни было написано о связи художественных произведений с биографиями их творцов и какие бы методы при этом ни использовались, думаю, всякий из коллег согласится со мной, что чем значительнее вклад того или иного писателя в культуру, тем неизбежнее посмертное вторжение исследователей в сферу его частной жизни, пристальное внимание к каждому, даже на первый взгляд незначительному, факту. Данная статья, посвященная одному из наиболее известных биографических преданий XVIII века, эпизоду женитьбы архитектора и поэта Н. А. Львова на М. А. Дьяковой, позволяет представить различие между тем, что имело место на самом деле, и тем, как эти события были переосмыслены позднее. Факты, увы, вступают в противоречие с чаяниями самого Н. А. Львова, который в предисловии к своим переводам из Анакреона, изданным в 1794 году, следующим образом описал идеальное соотношение между частной жизнью и произведениями писателя, во многом предвзяря знаменитую пушкинскую формулу «слова поэта суть уже дела его»: «Желательно было бы, чтоб мнения, в книге обнародованы, были всегда действительные правила частной жизни автора ее; библиотеки тогда сделались бы сокровищем сердец, книги — зеркалом истины, познанием человека вдруг и по собственной расписке, короче бы и надежнее был путь к благоденствию его»¹. (Ср. также мнение Батюшкова о «поэтической диетике», высказанное в статье «Нечто о поэте и поэзии»: «Первое правило сей науки должно быть: живи как пишешь, и пиши как живешь».) С другой стороны, тайная женитьба Н. А. Львова нашла неожиданное отражение на страницах первой части «Собеседника любителей русского слова», оказавшись прихотливым образом связанной с историей русской журналистики XVIII столетия.

Общепризнано, что создание в 1783 году «Собеседника любителей русского слова» при непосредственном участии императрицы Екатерины II — одна из знаменательных вех в истории отечественной литературы и одно из наиболее примечательных начинаний русского просвещенного абсолютизма. Уже в первые годы своего существования журнал стал центром литературной и интеллектуальной жизни столицы, ареной, на которой не раз скрещивались копыя, где публиковалось лучшее из написанного в то время и где происходил обмен суждениями порой в очень острой форме². Фактический редактор «Собеседника» княгиня Е. Р. Дашкова сумела привлечь к сотрудничеству наиболее талантливых писателей своего времени и в первую очередь тех, кто ранее группировался вокруг прекратившегося в 1781 году журнала «Санкт-Петербургский вестник»³. В этом отношении состав участников первой части весьма показателен — И. Ф. Богданович, Е. Р. Дашкова, Г. Р. Державин, О. П. Козодавлев, Я. Б. Княжнин, Н. А. Львов, М. Н. Муравьев, Д. И. Фонвизин, М. М. Херасков.

Скудость сохранившихся архивных материалов вряд ли позволит когда-либо восстановить в полной мере весьма важную «закулисную» сторону истории журнала. В самом общем виде она сводится к оттеснению Е. Р. Даш-

ковой от решения наиболее важных вопросов и усилению влияния самой императрицы. Тем не менее обращение к архивам может порой пролить свет на то, что как будто не нуждается в коррективах. Благодаря самому Г. Р. Державину, казалось бы, хорошо известно, какую роль сыграли его друзья Н. А. Львов, В. В. Капнист и И. И. Хемницер в появлении оды «Фелица» на страницах «Собеседника»⁴, однако следующая запись М. Н. Муравьева в одном из его дневников, ставшая прямым откликом на выход из печати 19 мая 1783 года первой части этого журнала, способна, на мой взгляд, наметить новые возможности интерпретации знаменитой оды: «1783 мая 23. Державин, может быть, первый испытал между нами персифлаж в оде к Фелице: довольно остроумно, довольно щастливо и свободно. «Ода к соседу» и прочее»⁵. Однако рассмотрение «Фелицы» в качестве несколько тяжеловесного образца русского персифлажа увело бы меня далеко в сторону от темы данной статьи.

Важнее другое — совместные читки стихов, в которые, по-видимому, ранее был вовлечен и М. Н. Муравьев, разборы и взаимные исправления, тесное творческое сотрудничество были отличительными чертами львовско-державинского кружка, что априорно позволяет предполагать в печатных выступлениях его участников некие аллюзии, понятные лишь ограниченному числу лиц, связанных с этим содружеством. Как известно, его историю можно условно разделить на два периода. В середине 1770-х — нач. 1780-х гг. ядро кружка составляли Г. Р. Державин, И. И. Хемницер, В. В. Капнист, М. Н. Муравьев, Н. А. Львов и его двоюродный брат Ф. П. Львов. Именно с обсуждением в их среде в 1779 году оды «Успокоенное неверие» связывал Г. Р. Державин начало нового, более зрелого периода своего творчества. Вышеперечисленные писатели были причастны в конце 1770-х к журналу «Санкт-Петербургский вестник», обладали сходными эстетическими воззрениями, принимали в той или иной мере участие в литературных полемиках своего времени⁶. Ранняя смерть Хемницера в 1784 году, служба Державина сначала в Олонцеке, а затем в Тамбове, жизнь Капниста главным образом в его украинских вотчинах ослабили традицию дружеских собраний, переживших новый расцвет в начале следующего десятилетия. В 1790-е членами содружества стали И. М. Муравьев, А. А. Мусин-Пушкин, А. М. Бакунин, А. Н. Оленин. Совместными силами в это время готовились к публикации «Басни и сказки» И. И. Хемницера (1799) и «Стихотворения Державина» (работа не была завершена).

Возвращаясь к началу 1780-х, следует отметить, что об участии Н. А. Львова в первой части «Собеседника любителей российского слова» долгое время ничего не было известно, лишь в 1927 году Б. И. Коплан, обнаруживший ранее неизвестные рукописи поэта, доказал, что гривуазное стихотворение «Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8» принадлежит перу Н. А. Львова⁷. В нем не без иронии описывается любовное томление пастуха Меналка, случайно набредающего на заснувшую «под тенью миртовых кустов» нимфу Елмиру, возжеланный предмет его страсти. Благоговейно охраняет Меналк ее сон, но вдруг ему кажется, что на груди нимфы покоится роза, которая может возлюбленную уколоть и тем прервать ее сон. Предпринятая попытка «снять цветочик» пробуждает Елмиру, а следующее затем страстное объяснение заставляет ее глубоко вздыхать. Стих «И мраком ночь покрыла их» многозначительно завершает пьесу. Предвосхитив поиски К. Н. Батюшкова в начале XIX столетия, игривое стихотворение в полной мере отразило увлечение Н. А. Львова поэзией К. Ж. Дора и А. Л. Тома в эти годы.

*рожа нашей рожи сатюры друга
образина в гравирован пробую новой
род гравированья..... 8го ноября
1787. кон. Знаменитая для гравёр.*

Точность даты в заглавии «Идиллии» давно привлекала мое внимание, заставляя предполагать некую автобиографическую аллюзию, ибо то же число встречается в подписи к гравюре-автопортрету, который был исполнен Н. А. Львовым, по-видимому, совместно с А. Н. Олениным: «Рожа нашей рожи, которую другая образина выгравирован<ала>, пробуя новой род гравированья... 8 ноября 1787. День знаменитой для гравёра»⁸. Собранные в дальнейшем сведения подтвердили догадки о связи этого указания с историей тайного венчания Н. А. Львова, которому предшествовало довольно длительное знакомство с будущей женой. Оно состоялось впервые, видимо, в середине 1770-х годов. Достоверно известно, что, возвратившись в начале августа 1777 года из курьерской поездки в Лондон, Мадрид и Париж, Н. А. Львов стал инициатором возникновения домашнего театра в доме своего сановного родственника П. В. Бакунина Меньшого. В его спектаклях помимо любителей принимали участие профессионалы — из писем

М. Н. Муравьева к родным известно, что И. А. Дмитриевский, лучший актер того времени, играл Ярба в трагедии Я. Б. Княжнина «Дидона» (премьеры этой пьесы на домашней сцене состоялась в присутствии автора 7 февраля 1778 года). В декабре 1777-го несколько раз была показана комедия Ж.-Ф. Реньяра «Игрок» и столь полюбившаяся Н. А. Львову еще в Париже комическая опера А. Саккини «Колония»⁹. Женские роли в них исполняли сестры Дьяквы, в одну из которых, Марию, влюбился Н. А. Львов. О том, как состоялась через несколько лет их женитьба, до недавнего времени можно было узнать лишь по изложению этих событий в мемуарах С. В. Капнист-Скалон и Н. И. Мердер, написанных уже в XIX столетии. Обе версии сходятся в описании предыстории женитьбы (страстная влюбленность М. А. Дьяковой и Н. А. Львова) и ее мотивов (преодоление противодействия родителей невесты, возникшего из-за бедности жениха), в том, что венчание состоялось против воли родителей М. А. Дьяковой и без их ведома, и в том, что через несколько лет тайна была оглашена.

Как известно, С. В. Капнист-Скалон, дочь В. В. Капниста и А. А. Дьяковой, была родной племянницей М. А. Львовой (урожденной Дьяковой) и Д. А. Державиной (урожденной Дьяковой, второй жены Г. Р. Державина). Воспитанная на Украине, вдали от петербургской родни, она, вне сомнения, повествует о том, что слышала от своих родителей. Эту «малороссийскую версию» отличает сжатость изложения и четкость мотивации произошедшего; она, как кажется, не случайно чем-то напоминает пушкинскую «Метель»¹⁰:

«Отец мой, Василий Васильевич, оставался долее всех в Петербурге, он имел там большие знакомства, большие связи. Всегда веселый, любезный, он был любим всеми и по справедливости назывался всегда душою общества.

Имея призвание к поэзии и любя ее, познакомился он в то время и подружился с свояком своим, Гавриилом Романовичем Державиным, с Хемницером и с Николаем Александровичем Львовым. С последним он был в тесной дружбе, которую и доказал ему своим самоотвержением.

Будучи сговорен на матери моей, дочери статского советника Дьякова, воспитывавшейся в Смольном монастыре, и зная, что друг его, Н. А. Львов, был страстно влюблен в старшую сестру ее, Марию Алексеевну, руки которой он несколько раз просил, но был всегда отвергнут (единственно потому, что не имел никакого состояния), отец, мой, накануне своей свадьбы, решил для друга своего на такой поступок, который, пожалуй, решал, можно сказать, его собственную участь и мог сделать его на всю жизнь несчастным.

Часто выезжая со своей невестой то с визитами, то на балы, и всегда в сопровождении Марии Алексеевны, отец воспользовался последним обстоятельством. Отправившись накануне своей свадьбы на бал, он, вместо того, чтобы подъехать к дому знакомых, подъехал к церкви, где находился уже и Львов, и священник, и все нужное к венчанию. Таким образом обвенчав друга своего и сестру, он решил их участь. Все разъехались в разные стороны из церкви, — Львов к себе, а отец с невестой своею и сестрой ее на бал, где их ожидали братья матери моей и удивлялись, что их так долго нет.

Вскорости Львов получил назначение от правительства ехать за границу с какими-то поручениями и только через два года возвратился, выполнив

с таким успехом возложенное на него дело, что в награду за то государыня Екатерина II пожаловала ему значительное имение; тогда родители матери соей согласились на брак его с дочерью своею Марией Алексеевной, потому еще более, что она в продолжение этих двух лет не хотела ни за кого выходить замуж и отказала нескольким весьма достойным женихам.

Можно легко себе представить удивление родителей и всех родных, когда отец мой объявил им, что Мария Алексеевна и Львов два года уже как обвенчаны и что он главный виновник этого их поступка. Львов до смерти сохранил дружеские отношения свои к отцу моему»¹¹.

Надежда Ивановна Мердер (урожденная Свечина)¹², довольно известная писательница своего времени, была внучкой Василия Карповича Свечина, женатого на родной сестре Н. А. Львова Елизавете. По свидетельству мемуаристики, супружество это вряд ли можно было назвать счастливым — выйдя в отставку, В. К. Свечин на глазах своих близких предался кутежам и разврату в родовом имении Смердове Новоторжского уезда и довел его вскоре до полного разорения. Дети от этого брака рано осиротели и были призрены в семьях Н. А. Львова и Г. Р. Державина. Н. И. Мердер сообщает таким образом «великоросскую версию» событий, бытовавшую именно в этой среде. Появление в заключение эпизода Екатерины II (своеобразный *deus ex machina* дворянских преданий), способствующей благополучной развязке и соединяющей любящих, приводит на память другой шедевр Пушкина, «Капитанскую дочку»:

«Из семейных преданий и из рассказов тетушки Веры Николаевны (Войковой, урожденной Львовой, дочери Н. А. Львова. — *К. Л.-Д.*) я знаю, что дед мой способствовал тайному браку Николая Александровича на девице Марье Алексеевне Дьяковой, родной сестре Дарьи Алексеевны Дьяковой, второй жены Гавриила Романовича Державина.

Этот тайный брак в царствование Екатерины II сопровождался довольно оригинальными подробностями. Дьяковы не считали Львова выгодным женихом, потому что он не был богат, а служебное его положение казалось им не довольно еще твердо установившимся. Между тем императрица к нему благоволила, и ему было обещано место при испанском посольстве, благодаря которому он надеялся быстро выдвинуться по службе. Но уезжать так далеко и так надолго, оставляя в России страстно любимую девушку, ничем, кроме взаимной любви, с ним не связанную, было так тяжело, что они решили обвенчаться. Близкие люди, в том числе Свечин, женатый на сестре жениха, согласились им помочь. Невеста отпросилась в гости к сестре своей Державиной, и во время пути в карету ее вскочил Свечин, который приказал кучеру ехать к той маленькой церкви, которая теперь уже не существует и где ждали их жених с друзьями.

От венца невесту привезли домой, и она не видела своего мужа до возвращения его из Испании, несколько лет спустя. Но она с ним переписывалась, и переписку эту я читала, восхищаясь чистотой и благородством чувств этих своеобразных супругов. Тайна долго не открывалась, и не родители, а первая узнала ее императрица, которой Марья Алексеевна должна была повиниться, когда государыня стала допрашивать ее: почему она отказывает всем сватающимся за нее женихам?

Говорят, что признание замужней девушки чрезвычайно заинтересовало императрицу и что она настойчиво допрашивала ее о подробностях венчания и о том, что было после...

Львов был вызван в Петербург, за супругов ходатайствовала перед родителями сама императрица, и роман кончился благополучно во всех отношениях»¹³.

Бережно передававшееся из поколения в поколение и оброставшее подробностями предание о тайной женитьбе Н. А. Львова через какое-то время утратил живую связь с теми, к кому оно непосредственно относилось, и с теми, кто его лелеял, и обратилось в анекдот об имевшем некогда место экстравагантном поступке, как о том можно заключить из очерка И. П. Хрущова о жене Г. Р. Державина, написанного в начале XX столетия:

«Марию Алексеевну Дьякову родители ее не соглашались выдать за талантливому архитектору Львова, строителя Приората в Гатчине, и она вышла к Николаю Александровичу тайком через окно, поехала с женихом, да и обвенчалась с ним, тайком же вернулась к родителям прямо из церкви и стала жить у них по-прежнему, до поры до времени не объявляя никому о совершившемся браке»¹⁴.

Позднейшее происхождение всех версий легенды становится особенно явственным после знакомства со следующим письмом Н. А. Львова к А. Р. Воронцову, позволяющим опереться на современные событиям свидетельство одного из главных участников и точно указать, когда брак перестал скрываться:

«10-е ноября 1783 года, Даго

Несмотря на благосклонные вашего Сиятельства со мною поступки, в коих ласкался я всегда находить более, нежели вид простого снисхождения, уклонялся я всячески говорить вам о моем душевном положении, о моих заботах, нуждах, и тогда, когда наставления ваши были для меня дороже еще самого покровительства. Не смел я вопреки моего покоя скучать вашему Сиятельству неприятною материею; но теперь, опасаясь, чтобы не дошло мимо меня до сведения вашего, во оправдание моей откровенности необходимостью, почитаю донести вашему Сиятельству, что уже четвертый год, как я женат.

Ваше Сиятельство легко вообразить изволите, сколько положение сие, соединенное с цыганскою почти жизнью, навлекло мне заботы, сколько труда и огорчений скрывать от людей под видом дружества и содержать в предосудительной тайне такую связь, которой обнародование разве бы только противу одной моды нас не извинило. Молчание сие тем тягостнее еще нам было, что огорченные старики, озабоченные еще к тому безмолвным замужеством их дочери, принуждали меня вседневно объявить оное: что мог я противуположить их справедливости?.. Не достало бы, конечно, ни средств, ни терпения моего, если бы не был я подкрепляем такую женщиною, которая верует в *Резон* как во единого бога.

Если я столько буду несчастлив, что и ваше Сиятельство поступок сей поставите к крайнему моему огорчению мне в преступление, то и позвольте по крайней мере хоть то к оправданию моему представить, что то будет первое еще пятно в поведении моем, если можно так назвать честной конец 10-летней дружбы.

Не осмелюсь распространяться ни о надобностях скрывать до сего времени нашу женитьбу, ни о нужде так рано жениться, первые столь же многочисленны, сколько последняя честна и бескорытна. Если будет сие угодно вашему превосходительству узнать, то и предоставляю сие донести изустно. А теперь позвольте мне, ваше Сиятельство, препоручить себя

вдвое (слова сии хоть прикажите вычернить) в продолжение милостей ваших и опытом трехлетней жизни удостоверить вас, что если самая вещь меня не переменяла и милостей ваших не лишала быть достойным, то одно название женатого не удобно меня испортить, не удобно переменить образ моих мыслей и лишит меня удовольствия быть вашему Сиятельству угодным, пребывая с совершеннейшим высокопочитанием и беспредельною преданностию

вашего Сиятельства
милостивого государя
всепокорный слуга
Николай Львов»¹⁵.

Письмо Н. А. Львова кардинально меняет сложившиеся представления о причинах сохранения супружества в тайне — ими было не противодействие родителей М. А. Дьяковой, а некие «резоны», вызванные постоянными служебными разъездами поэта («цыганскою почти жизнью») и чем-то еще. Утверждения о недоброжелательности Дьяковых к зятю тоже должны подвергнуться пересмотру; будущий тесть Алексей Афанасьевич Дьяков, крупный администратор петербургского градостроительства, дуэмаю, сыграл немалую роль в архитектурной карьере Н. А. Львова на ее начальном этапе. О том же, что поведал Н. А. Львов А. Р. Воронцову при состоявшейся затем личной встрече и насколько при этом объяснении он был откровенен и искренен, остается только догадываться. Во всяком случае другой покровитель Н. А. Львова, А. А. Безбородко, вскоре сообщил о «легализации» его семейного положения в Венецию общему знакомому С. Р. Воронцову, о чем известно из пассажа в ответном письме от 6 (17) января 1784 года: «Прошу засвидетельствовать мой поклон Николаю Александровичу, поздравя его с обнаружением своей тайны, которую я однако ж видел, но из скромности никогда ему не отзывался, хотя не понимал, зачем он таит брак с милою и прекрасною женщиною. Будет ли время, чтоб я и вас мог с тем же поздравить?»¹⁶

Счастливая находка Л. И. Бройтман, разыскавшей следующую запись о венчании в метрической книге церкви Живоначальной Троицы в Галерной гавани на Васильевском острове в Петербурге, позволила наконец точно датировать женитьбу Н. А. Львова и рассеять все домыслы о том, кто выступил в качестве свидетелей: «1780 год 8 ноября № 35. Иностранной коллегии коллежский секретарь отрок Николай Александрович Львов штацкою с советническою Алексеевою дочерью Афанасьева сына Дьякова девицею Мариєю. Кто поруками подписались: по женихе — Горного корпуса надворный советник Иван Хемницер, по невесте — Тобольского пехотного полку капитан Петр Вельяминов»¹⁷.

Упоминание в этом документе не Капниста и не Свечина, а Петра Лукича Вельяминова, литератора-переводчика, приятеля Державина и Львова, заставляет еще более критически отнестись к изложенному С. В. Капнист-Скалон и Н. И. Мердер. Очевидно, что поездка Н. А. Львова в Италию, длившаяся с начала мая по середину августа 1781 года¹⁸, с течением времени преобразилась в воображении его родных в продолжительное заграничное путешествие, разлучившее юных супругов. Напомню также, что женитьба Г. Р. Державина на Д. А. Дьяковой состоялась 31 января 1795 года, то есть через 14 лет после описываемых Н. И. Мердер событий.

Установление точной даты венчания снимает все сомнения относитель-

но анонимной публикации «Идиллии» в «Собеседнике любителей русского слова» — авторство Н. А. Львова не могло быть известно широкому читателю, не будучи, конечно, секретом в литературных кругах столицы. Вместе с тем преобразование одного из важнейших эпизодов собственной жизни в гривуазное стихотворение, подлинное содержание которого было ясно лишь его ближайшим друзьям, высвечивает до сих пор неизвестные грани личности и дарования Н. А. Львова.

Еще один разысканный мной в Государственном архиве Тверской области документ, письмо Н. А. Львова к М. А. Дьяковой от 19 апреля 1778 года, дает возможность заглянуть в предысторию их женитьбы. Письмо дошло до нас чудом, несмотря на просьбу отправителя по получении тотчас его уничтожить, и описывает драматический эпизод из жизни двух любящих (упомянутый Василек — это, несомненно, В. В. Капнист, Петр Алексеевич — Дьяков, брат М. А. Дьяковой, кто Мария Павловна — неясно):

«Апреля 19, 1778.

Brûlés d'abord la lettre après l'avoire lue*.

Слава Богу! мой а<нгол>! Всей силы любви моей не достает это сказать, сколько я обрадован. Боже мой, я еще этому не верю, м<ой> д<руг>, правда, м<оя> д<орогая>, что я к тебе ничего сего дни не писал; но ты прости меня, если бы могла ты видеть в каком отчаянном положении был вчера д<руг> твой... мой ангел, ты бы испугалась. Я всю ночь не спал, с Васильком читал я все книги, где только о приметах, о действиях и о следствиях было что сыскать можно. Посылал за Хемницером, он принес мне рецепт — я был в лихорадке. Lorsque je trouvois, que quand une femme conçoit, dans deux mois parvint le lait dans les mamelles — j'ai cru que la foudre allait m'écraser à l'instant. Adieu du lait sur ta belle gorge! Mais n'en parlons pas et tâchons, ma belle amie, d'être plus prudents, il nous en coûte trop pour y revenir qu'and-même. Ça n'auroit pas des effets terribles dont je me suis persuadé, ça pourra toujours à la longue altérer d'une façon irréparable ta santé et la mienne pour le reste de nos jours. Seroit-ce donc le fruit d'une cause si belle? Avec tout cela, ma bonne amie, il faut absolument que vous vous fassiez guérir, ce qui est fort facile présentiment, en prenant une herbe qu'on vous prescrira qui aidra à la nature, un peu accutumée au dérèglement.

Parlés eu à Md. votre mère, la suite de ces dérèglements peut-être mauvaise, même sans cause. Croyez le, mon amie, j'ai tant lu ces jours et tant parlé au médecin que je suis presque docteur**. Я не смел, мой д<руг>, увериться сего дни, твоя нежность столько уже раз оставляла меня в спасительном невежестве, что я и сего дни думал весь день, что меня обманываешь... проклятые дела весь день меня продержали: но я некоторым образом доволен, что тебя не видал, я все боюсь узнать, точно ли это? Теперь, м<илый> д<руг>, я верю, сколько раз перечитал я письмо твое: но теперь уже 11 часов полудни, иди поздно, я же не знаю, где ты, но Пет<р> Ал<ексеевич> сказал, что ты у Мар<ии> Пав<ловны>, и завтра поутру туда пойду¹⁹.

* Прочтя письмо, прежде всего сожги его (франц.).

** Когда я выяснил, что в случае беременности в течение двух месяцев у женщины в груди появляется молоко, — мне показалось, что меня тотчас же сразит молния. Нет более молока в твоей прекрасной груди! Но не будем более говорить об этом и постараемся, мой милый друг, быть более осторожными, нам стоит слишком дорого даже вспоминать об этом. Это не должно было бы иметь тяжких последствий, в которых я убедился, и могло бы в конце концов нанести непоправимый ущерб твоему и моему здоровью до конца наших дней. И это было бы следствием столь прекрасной причины? В связи со всем этим, мой добрый друг, несомненно нужно, чтобы вы озаботились своим здоровьем, сейчас это очень легко, если пить травы, которые вам предпишут и которые помогут природе, немного привыкшей к расстройству.

Поговорите об этом с вашей матушкой, последствия этого расстройства могут быть дурными, даже и без причин. Поверьте, друг мой, я столько читал в эти дни и столько говорил с врачом, что сам стал почти доктором (франц.).

Проливая свет на характер отношений Н. А. Львова к его будущей жене к апрелю 1778 года, это письмо способно отчасти прояснить, почему брак был заключен тайно. О том, какие «резоны» побуждали скрывать его в течение последующих почти трех лет, приходится только догадываться. Мемуарная традиция здесь вряд ли может чем-то помочь, ибо помимо уже указанных причин на позднейшее изложение событий, связанных с венчанием Н. А. Львова на М. А. Дьяковой, по всей видимости, ретроспективно повлияла предыстория другой женитьбы, состоявшейся также 8 ноября, хотя и на одиннадцать лет позже. Перипетии длившегося несколько лет сватовства Алексея Николаевича Оленина к Елизавете Марковне Полторацкой, в которые был вовлечен и Н. А. Львов, не так давно восстановлены по архивным документам Л. В. Тимофеевым²⁰. Противницей женитьбы Оленина выступила его мать Анна Семеновна, считавшая Полторацких недостаточно знатными. Ее противодействие было почти преодолено в начале 1791 года, о чем узнаем из письма Н. А. Львова Д. М. Полторацкому от 3 февраля этого года: «Сегодня мы едем отпускать придачу Лизыньке, которую берет Оленин в среду. Вот каково несправедливо в свете, что и к совершенной женщине надобно придачу, чтобы ее взял какой-нибудь шепляк»²¹.

Почти славившаяся свадьба была вскоре на неопределенный срок отложена, что повергло Оленина в отчаяние; 10 июня 1791 года он писал Н. А. Львову из Старой Руссы: «Вам надобно Лизу немножко побранить. Elle est devenu un enfant*. Я ей писал, что я буду говорить... как бы нам свадьбу скорее сыграть... Ежели можно вам будет к тому времени приехать в Петербург, я от вас ожидать буду большое пособие. Иван Федорович (Дмитриев-Мамонов. — К. Л.-Д.) по возвращении моем из Петербурга тотчас хочет ехать в Москву и лично матушку мою уговаривать. По возвращении оттуда хочет со мною ехать в Петербург и женить меня и согласен употребить на то всевозможные способы — хоть и похищение. И вам надобно тут быть, батюшка Николай Александрович...»²².

После новых проволочек влюбленным удалось наконец настоять на своем, и 8 ноября 1791 года состоялось венчание Е. М. Полторацкой и А. Н. Оленина; эта дата впоследствии неоднократно обыгрывалась в письмах и стихотворных посланиях к Оленину его друзей²³. Думаю, к этому времени версия женитьбы самого Н. А. Львова сложилась окончательно, зеркально отразив некоторые обстоятельства сватовства его друга. При этом была необходима некоторая переакцентировка, ибо за истекшее после 8 ноября 1780 года десятилетие существенно изменилась общая атмосфера эмоциональной и интеллектуальной жизни столичного общества — эпоха чувствительности, если так можно выразиться, наступала по всем фронтам. Н. А. Львов венчался с женщиной, «веровавшей в *Резон*, как во единого бога», именно поэтому соображения внешние, связанные с карьерой, обеспеченностью и проч., оттесняли на второй план естественное стремление молодой пары (совпадавшее с желанием родителей суженой) скорее «сехаться», зажить под одним кровом. Как ни парадоксально, именно невеста была сторонницей подобного, в высшей степени рационалистического подхода. На нескольких дошедших до нас гравюрах, на портретах Левицкого и Боровиковского М. А. Дьякова изображена мечтательной молодой женщиной, казалось бы, вовсе чуждой практических дел. Из сохранившейся переписки, напротив, встает образ прижимистой хозяйки (столь же рачительной, как и ее младшая сестра Дарья), не стеснявшейся использовать для своих нужд чужих крестьян, обучавшихся в организованной ее

* Она совсем как ребенок (*франц.*).

мужем школе землебитного строения. Сколь мало рационалистическая мотивация была пригодна для объяснения подрастающим детям и другим родственникам причин трехлетнего сокрытия в тайне венчания 1780 года и для создания семейной легенды, догадаться нетрудно. Тем более что у всех была еще свежа в памяти трогательная (слово как раз тогда входившее в употребление) история сватовства А. Н. Оленина.

В начале XIX века новые модели поведения в дворянском обществе получают все большее распространение, браки по любви в этой среде, даже родительской воле наперекор, свершаются все чаще, хотя абсолютное число их еще очень невелико²⁴. Весьма примечателен поэтому еще один жизненный союз, заключенный по влечению сердец, рассказом о котором хотелось бы завершить эту заметку, переполненную матримониальными подробностями. Речь идет о дочери Н. А. Львова, Елизавете, вопреки противодействию ее опекунов Державиных вышедшей в конце 1809 года замуж за своего двоюродного дядю Ф. П. Львова, имевшего от первого брака 10 человек детей²⁵. Пример отца Е. Н. Львовой сыграл, думаю, некоторую роль в этой истории; примечательно и то, что «увоз» свершился при помощи ее родных братьев, как о том сообщает Е. Е. Ваганова, летописец семейства Львовых:

«В сопровождении своих братьев, Леонида и Александра, Елизавета Николаевна вечером уезжает из дома и венчается с Федором Петровичем в церкви при с. Ульянке, на Петергофской дороге. Тотчас же после совершения брака молодые приехали в дом Державиных в надежде на коленях вымолвить себе прощение. Но они ошиблись, рассчитывая на снисхождение стариков. Не желая разрывать свои отношения с теми, кто в течение стольких лет заменяли ей отца и мать, Елизавета Николаевна осталась в их доме одна, а муж ее уехал к себе, предоставляя жене действовать в этом случае с родными по ее усмотрению. Не прошло, конечно, и нескольких дней, как последовало со стороны стариков вынужденное прощение, и счастливая молодая переехала в дом своего мужа, где ожидала ее огромная семья»²⁶.

О том же событии К. Н. Батюшков весьма эмоционально писал Н. И. Гнедичу в декабре 1809 года: «Львова вышла замуж за Львова. Я этого все не понимаю! Леонид (т. е. Л. Н. , брат Е. Н. Львовой, приятель Батюшкова. — *К. Л.-Д.*) ко мне пишет очень забавно, а об этом ни слова. Да помилуй, у Федора Петровича 10 человек детей! Чудеса!»²⁷.

П р и м е ч а н и я

- 1 Стихотворение Анакреона Тийского/Перевел <Н. А. Львов>. СПб., 1794. С. XVIII.
- 2 Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей русского слова»//Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 182–278; Кочеткова Н. Д. Любослов — сотрудник «Собеседника любителей русского слова»//XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 422–248; Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 330–341; Некрасов С. М. Российская академия. М., 1984. С. 26–68; Стенник Ю. В. Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей русского слова»//XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 113–130.
- 3 См. подробнее: Мартынов И. Ф. Журналист, историк и дипломат XVIII века Г. Л. Брайко//XVIII век. Л., 1977. Сб. 12. С. 225–241.

- 4 Объяснения на сочинения Державина...//Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1868. Т. 3. С. 600—602; Примечания на сочинения Державина/Публ. Е. Н. Кононко//Вопросы русской литературы (Львов). 1973. Вып. 2 (22). С. 112—113.
- 5 РНБ, ф. 499 (М. Н. Муравьев), № 30. Л. 39. На том же листе находятся выписки М. Н. Муравьева из «Послания к моему желудку» К. Ж. Дора и следующая запись по-французски: «Le persiflage a été peut-être créé par Dorat, tant comme le sublime par Corneille».
- 6 *Степанов В. П.* 1) К истории литературных полемик XVIII в. («Обед Мидасов»)//Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 131—146; 2) Poleмика вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля»//XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 204—228; 3) Неизданные произведения Д. П. Горчакова//XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 110—129; *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Комическая опера Н. А. Львова «Ямщики на подставе»//XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 93—113; *Шруба М.* Об авторе сатиры «стихотворец-нелюдим»//XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 269—275.
- 7 *Коплан Б. И.* К истории жизни и творчества Н. А. Львова//Известия АН СССР. VI серия. 1927. № 7—8. С. 699—726. Укажем попутно, что Н. А. Львову принадлежит еще один текст в «Собеседнике». В IV части этого журнала было опубликовано стихотворение И. Ф. Богдановича «К Дмитрию Григорьевичу Левицкому», воспевающее принадлежащий кисти художника «Портрет императрицы Екатерины II в храме Богини правосудия» (его программа была придумана Н. А. Львовым). Ответ Д. Г. Левицкого И. Ф. Богдановичу завершился фразой: «Что же касается до мыслей и расположения картины, оными обязан я одному любителю художеств, который имя свое просил меня не называть» (Собеседник. 1783. Часть VI. С. 18). Здесь же помещено «Описание портрета ее императорского величества», несомненно принадлежащее перу Н. А. Львова:
- «Средина картины представляет внутренность храма Богини правосудия, перед которою в виде Законодательницы, Ее Императорское величество, сжигая на олтаре маковые цветы, жертвует драгоценным своим покоем для общего покоя. Вместо обыкновенной императорской короны увенчана она лавровым венцем, украшающим гражданскую корону, возложенную на главе ее.
- Знаки ордена святого Владимира изображают отличность знаменитую за понесенные для пользы отечества труды, коих лежащие у ног законодательницы книги свидетельствуют истину.
- Победоносный орел покоится на законах и, вооруженный перуном страж, рачит о целостности оных.
- Вдали видно открытое море, и на развевающем Российском флаге изображенный на военном щите Меркуриев жезл означает защищенную торговлю» (Там же. С. 18).
- 8 Подпись к гравюре опубликована в кн.: Подробный словарь русских граверов XVI—XIX веков/Сост. Д. А. Ровинский. СПб., 1895. Т. II: К-О. Стб. 602. Впервые этот шаржированный автопортрет с автографом Н. А. Львова воспроизведен на л. 3 первого блока иллюстраций в кн.: *Львов Н. А.* Избранные сочинения/Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитектурных работ Н. А. Львова подготовлен А. В. Татариновым. Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994. Как справедливо отметил Л. В. Тимофеев, речь в надписи идет о двух лицах (*Тимофеев Л. В.* Кружок А. Н. Оленина и книжная графика первой трети XIX века//Русская литература и изобразительное искусство XVIII — начала XIX века: Сб. научных трудов. Л., 1988; С. 50—51), что побудило его переатрибутировать гравюру А. Н. Оленину. Вряд ли, думаю, имеет смысл идти так далеко, игнорируя исполнительские инициалы на гравюре и внятную теперь автобиографическую аллюзию в надписи Н. А. Львова. Учитывая иное отношение к проблеме авторства в XVIII столетии (см. об этом в применении к Н. А. Львову статью Н. И. Ува-

- ровой «О том, чего не делал Н. А. Львов (К вопросу об архитектурно-графическом наследии)» в кн.: Джакомо Кваренги и неоклассицизм XVIII века: К 250-летию со дня рождения архитектора. Тезисы докладов конференции. СПб., 1994. С. 54–57), нетрудно разрешить это мнимое противоречие, ибо имеются в виду общие занятия и пробы. О совместных с Н. А. Львовым начинаниях в технике лависом, как известно, писал и А. Н. Оленин в «Описании аглицкого и русско-го способа гравирования лависом или акватинтою» (С.-Петербургское отделение Института археологии РАН, ф. 7, № 48, л. 3 об.), и его первый биограф (См.: *Стояновский Н. И.* Археологические труды А. Н. Оленина. СПб., 1881. Т. 1. Вып. 1. С. XVII).
- 9 Письма русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 342–348.
- 10 Несмотря на то, что романтическая версия женитьбы Н. А. Львова могла быть известна Пушкину (я имею в первую очередь посредничество представителей двух семейств — Олениных и Полторацких), вряд ли имеет смысл придавать напрашивающимся аналогиям слишком большое значение. Нисколько не преуменьшая важности выявления конкретных событий, ставших источником вдохновения для Пушкина в том или ином случае (одну из наиболее убедительных попыток в этом отношении предприняла не так давно А. Глассэ в статье «Из чего сделалась «Метель» Пушкина» — НЛО. № 14. 1995. С. 98–101), хотелось бы все же подчеркнуть значение для него общей атмосферы дворянских преданий и их топосов.
- 11 *Капнист-Скалон С. В.* Воспоминания//Записки русских женщин XVIII—первой половины XIX века/Сост., автор вступ. статьи и комментариев Г. Н. Моисеева. М., 1990. С. 286–287. Эту версию повторяют в главных чертах биографы Н. А. Львова: *Никулина Н. И.* Николай Львов. Л., 1971. С. 22–25; *Глумов А. Н.* А. Львов. М., 1980. С. 35–36, 41. Все сообщаемое А. Н. Глумовым о влюбленности И. И. Хемницера в М. А. Дьякову, якобы даже сделавшего ей предложение, нужно, увы, признать вдохновенным порождением фантазии биографа-беллетриста.
- 12 См. о ней в статье Мэри Зирин в кн.: Dictionary of Russian Women Writers/Ed. by M. Ledkovsky, Ch. Rosenthal, M. Zirin. Westport, Conn.; London, 1994. P. 417–420.
- 13 *Мердер Н. И.* Из далекого прошлого (Тетушка Вера Николаевна Воейкова)//Исторический вестник. 1909. № 11. С. 402–404.
- 14 *Хрущев И. П.* Милена, вторая жена Державина//Русский вестник. 1903. № 2. С. 554–555.
- 15 РГАДА, ф. 1261, оп. 3, № 714. Л. 1–2 об. Когда данная статья уже была в работе, письмо было опубликовано без комментария, просто в качестве иллюстрации дружеских отношений Н. А. Львова и А. Р. Воронцова: *Алексеев В. А., Никитина А. Б.* О неизвестной постройке архитектора Н. А. Львова (Церковь Воскресения Христова в селе Матренино)//Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1993/Сост. Т. Б. Князевская. М., 1994. С. 439–440.
- 16 Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 16. С. 172.
- 17 *Бройтман Л. И.* Дом Дьяковых//Васильевский остров (Петербург). 1993. № 1(18). С. 2.
- 18 См. подробнее: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Итальянский дневник Н. А. Львова//Europa Orientalis. 1995. Vol. XIV. № 1. P. 57–93.
- 19 Государственный архив Тверской области, ф. 103, оп. 1, д. 2588. Л. 4–5 об.
- 20 *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. Л., 1983. С. 9–11.
- 21 Письмо хранится в РГБ, ф. 233 (С. Д. Полторацкий), к. 1, № 87. Л. 2; цит. по кн.: *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз. С. 9.

- 22 Письмо хранится в Государственном архиве Рязанской области, ф. Олениных, д. 5. Цит. по кн.: *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз. С. 9.
- 23 Составить об этом некоторое представление можно по документам в двух делах архива А. Н. Оленина (РНБ, ф. 542, №№ 247, 758), сложность работы с которыми вызвана тем, что здесь хранятся позднейшие копии, большей частью неверно атрибутируемые. Перу Н. А. Львова несомненно принадлежит «Горячка» (№ 758, л. 11–11 об.), Ф. П. Львову — «Быль доброму приятелю» (там же, л. 1–2) и «Ручей» (там же, л. 12–15), ибо они включены в его позднейший сборник: Львов Ф. П. Часы свободы в молодости. СПб., 1831. Ч. 1. С. 17–19, 5–8. Он же автор большинства дружеских посланий (в том числе к А. Н. Оленину при посылке микроскопа), где сознательно подражал произведениям этого жанра, написанным Н. А. Львовым, что еще более осложняет дело. Ф. П. Львову, по всей видимости, следует также атрибутировать обращенные к А. Н. Оленину «Стихи на 8-й день ноября каждого года» (РНБ, ф. 542, № 758. Л. 16–19), аллюзия в названии которых существенна для темы данной заметки.
- 24 О том, как заключались жизненные союзы подавляющего числа помещиков см. в кн.: *Чечулин Н. Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века: Исторический очерк. СПб., 1889. С. 43–44.
- 25 Женитьба Ф. П. Львова на Н. И. Березиной (ум. 1808) датируется с точностью до дня благодаря письму Д. М. Полторацкого А. П. Полторацкой от 23 января 1795 года: «Сегодня я ночевал у братца... проспал долго, потому что протанцевал на бале до 3 часов у Федора Петровича, его свадьба была третьего дни, куда я с Олениным приглашен был» (РГБ, ф. 233 (С. Д. Полторацкий), к. 2, № 39. Л. 3 об.). О Е. Н. Львовой и Ф. П. Львове см. также в статьях М. К. Евсеевой и А. Л. Зорина в кн.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3: К–М. С. 428–429, 424–426.
- 26 *Ваганова Е.* Из хроники семейства Львовых//Русская старина. 1898. № 12. С. 543.
- 27 Сочинения К. Н. Батюшкова/Изданы П. Н. Батюшковым. Со статьей о жизни и соч. К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примеч., составл. им же и В. И. Сайтовым. СПб., 1886. Т. III. С. 65.

Статья написана при поддержке Alexander von Humboldt-Stiftung.